

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-6-141-270
EDN: DHLUTM

Культура массового общества и субъектность как факторы взаимодействия отечественного и зарубежного искусства

Григорий Львович Тульчинский

Доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16;

Научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14;

Старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет. 196655, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Аннотация. В работе рассматриваются основания для анализа механизма взаимодействия и взаиморазвития отечественного и зарубежного искусства в рамках национальных культур. Такой современной рамкой выступает культура массового общества, в которой представлены практически все виды художественного творчества – как классическое искусство, так и массовая (популярная) культура. Причем, все эти виды художественного творчества могут представляться и транслироваться в универсальных форматах социальной медийной коммуникации. Это дает дополнительные возможности рассмотрения взаимодействия и взаимовлияния с помощью концептуального аппарата социальной семиотики и его расширений. Поиск таких оснований сделан с помощью прагматического подхода и расширения аппарата социальной семиотики посредством глубокой семиотики. Что позволило представить динамику как каскад интерфейсов взаимодействия различных социально-культурных контекстов, определяющих смыслообразование. Подчеркнуто, что классическое искусство в форматах культуры массового общества выполняет роль собственных форм (Eigenforms) культуры. В этом процессе ключевую роль играет личностная субъектность участников всего процесса – от художников, исполнителей и организаторов до зрителей, читателей и слушателей. Субъектность семиотична по природе своего возникновения, действия и развития. Она возникает в результате социализации как индивидуальная система рефлексивного самоописания. В этом своем качестве она предстает универсальным интерфейсом, который позволяет совмещать, менять различные контексты смыслообразования. Субъектность как рефлексивное самоописание является образованием противоречивым и апофатически открытым для нового самопополнения и саморазвития. Тем самым предлагаемый подход и проблематизация открывают широкие возможности для междисциплинарного анализа взаимодействия различных социально-культурных практик, видов и жанров искусства в рамках национальных культур.

Ключевые слова: классическое искусство; культура массового общества; массовая культура; собственные формы культуры; прагматика; субъектность; цифровизация

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 22 18 00591 «Прагматика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Культура массового общества и субъектность как факторы взаимодействия отечественного и зарубежного искусства // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 6 (141). С. 270–275. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-270>. <https://elibrary.ru/DHLUTM>

Original article

Mass society culture and subjectivity as factors for interaction between domestic and foreign art

Grigorii L. Tulchinskii

Doctor of philosophical sciences, professor, National research university higher School of economics. 190008, Saint Petersburg, Soyuz pechatnikov st., 16;

Researcher, Immanuel Kant Baltic federal university. 236041, Kaliningrad, Alexander Nevsky st., 14;

Senior researcher, St. Petersburg state university, 196655, Saint Petersburg, University embankment, 7/9

gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Abstract. The paper examines the grounds for analyzing the mechanism of interaction and mutual development of domestic and foreign art within the framework of national cultures. Such a contemporary framework is the culture of mass society, in which almost all types of artistic creativity are presented – both classical art and mass (popular) culture. Moreover, all these types of artistic creativity can be presented and broadcast in universal formats of social media communication. This provides additional opportunities for examining interaction and mutual influence using the conceptual apparatus of social semiotics and its extensions. The search for such foundations is made using the pragmase-mantic approach and the extension of the apparatus of social semiotics through deep semiotics. This made it possible to present the dynamics as a cascade of interfaces of interaction of various socio-cultural contexts that determine meaning formation. It is emphasized that classical art in the formats of mass society culture plays the role of its own forms (Eigenforms) of culture. The key role in this process is played by the personal subjectivity of the participants in the entire process – from artists, performers and organizers to spectators, readers and listeners. Subjectivity is semiotic in the nature of its emergence, action and development. It arises as a result of socialization as an individual system of reflexive self-description. In this capacity, it appears as a universal interface that allows combining and changing various contexts of meaning-making. Subjectivity, as a reflexive self-description, is a contradictory formation and apophatically open to new self-replenishment and self-development. Thus, the proposed approach and problematization open up broad opportunities for interdisciplinary analysis of the interaction of various socio-cultural practices, types and genres of art within national cultures.

Key words: classical art; mass society culture; mass culture; pragmase-mantics; subjectivity; digitalization

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation № 22 18 00591 «Prag-masemantics as an interface and an operational system of meaning formation» at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

For citation: Tulchinskii G. L. Mass society culture and subjectivity as factors for interaction between domestic and foreign art. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (6): 270-275 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-270>. <https://elibrary.ru/DHLUTM>

Введение

Культура в данной статье понимается как система порождения, отбора, сохранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Такое понимание позволяет интегрировать нормативно-ценностный (культура как система норм и ценностей), деятельностный (культура как способ социальной жизни), человекотворческий (культура как система социализации и возвышения человека) подходы. Кроме того, оно соответствует трактовке Ю. М. Лотманом культуры как внегенетического способа наследования информации о социальном поведении [Лотман, 2010].

Любая культура реализуется в комплексе социально культурных практик взаимодействия социума и личности. В этой связи и применительно к теме статьи необходимо сделать важное уточнение относительно популярного выражения «диалог культур», которое может ввести в заблуждение. Культурам – в силу их нормативности – диалог не нужен. Каждая культура самодостаточна и «скрепна», выражая и реализуя общую смысловую картину мира, задающую систему ориентиров, консолидирующих конкретный социум. Диалог нужен не самодостаточным существам – носителям культуры, нуждающимся в новом опыте, расширении их собственного. Чему и служат такие социально-культурные практики, как образование, искусство, отчасти –

туризм. Искусство играет особую роль – это социально-культурная практика, процесс и результат которой способны породить новое смыслообразование на различном уровне от эмоционально-оценочных переживаний до распознавания символической предметности.

Учитывая эту особенность соотношения культуры и личности в динамике социального развития, для анализа и обобщения тематики взаимодействия и реализации художественного творчества в различных культурно-исторических средах особенно перспективным представляется прагматическая семантическая подход [Золян, 2022; 2023; Тульчинский, 2023] и глубокая семиотика (deep semiotics) [Тульчинский, 2019], согласно которым смыслообразование реализуется в каскаде интерфейсов взаимодействия контекстов социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как универсального интерфейса, обеспечивающего реализацию такого взаимодействия.

Результаты исследования

Культура массового общества и массовая культура

Особенность культуры массового общества в различных его изводах (индустриальном, постиндустриальном, информационном) состоит в том, что в ней находится место всему: и классике, и «массовой» (популярной) культуре, и авангарду (от авторского кино и театрального

арт-хауса до протестного рока). А в наше время весь этот комплекс интегрируется и транслируется посредством цифровых технологий на общедоступных коммуникативных платформах.

Эти особенности культуры массового общества позволяют ей обеспечивать:

- консолидацию социума при всем его экономическом неравенстве, а иногда политической, конфессиональной, этнической раздробленности;
- платформу межкультурного взаимодействия, заимствований, адаптаций, переосмыслений, конкретизаций;
- и одновременно – национальный и личностный творческий вклад в общечеловеческий то ли бахтинский диалог, то ли своеобразный общечеловеческий «блокчейн» осмысления мира, общества, отношения человека к ним и самому себе.

Рассмотрим только несколько примеров...

Ярким и исторически важным является бурное развитие кинематографа – немого до конца 1920-х и характерного активным «перекрестным» влиянием. С одной стороны, это несомненное влияние зарубежного, прежде всего – американского и французского кино – мелодрамы, комедии (один только пример Ч. Чаплина чего стоит!). Особым зрительским успехом пользовались советские приключенческие фильмы, в становлении стилистики и содержания которых ключевую роль сыграло американское авантюрное кино. Однако становление нового вида искусства (приоритетного, как известно из знаменитой ленинской фразы, для советской власти) не ограничивалось адаптацией зарубежного опыта. В считанные годы, в творчестве В. Пудовкина, Д. Вертова, С. Эйзенштейна были созданы шедевры мирового значения.

Да и в дальнейшем кинематограф являл примеры исключительно плодотворного влияния М. Антониони на М. Хуциева, А. Курасавы на А. Кончаловского, И. Бергмана и Ф. Феллини на А. Тарковского. Нельзя недооценивать также влияние в 1960–80-х на советскую культуру польского, а затем венгерского, чехословацкого кинематографа (А. Вайда, Е. Ковалерович, З. Фабри, М. Янчо, Б. Земан, Я. Кадар, Э. Клос, М. Форман, В. Ясны). Находили своего зрителя за рубежом, заслуживали высокие оценки в мировой профессиональной среде фильмы Г. Чухрая, А. Тарковского, С. Бондарчука, В. Меньшова...

Отдельного внимания заслуживают переводы художественной литературы. Некоторые по своему качеству были сами по себе шедеврами. Пере-

воды С. Маршаком поэзии Р. Бёрнса, сонетов В. Шекспира. В блестящих переводах Р. Райт-Ковалевой советский читатель открывал для себя многие произведения Г. Бёлля, К. Воннегута, Ф. Кафки, Э. По, Д. Сэлинджера, У. Фолкнера... Тексты Э. М. Ремарка, Э. Хэмингуэя, Р. Брэдбери настолько прочно вошли в круг чтения нескольких поколений советских читателей, что могут считаться частью советской литературы. При этом широкий общественный резонанс за рубежом вызвали советские поэты (А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский), публикация произведений А. И. Солженицына. Заметным явлением зарубежной художественной культуры стали соц-арт В. Комара и А. Меламида, творчество И. Кабакова, М. Шемякина, О. Кулика.

Колоссальный материал дают музыка и театр, в которых взаимовлияние отечественных и зарубежных исполнителей и художественных руководителей (дирижеров и постановщиков), зрительской и экспертной рецепции их творчества – не менее очевидно, чем в кино и литературе. Но даже сказанного достаточно для понимания роли контактов и взаимовлияний, усиливающихся в условиях интенсивной трансляции художественного творчества в средствах массовой коммуникации.

Роль классического искусства

Нетривиальна роль в культуре массового общества артефактов классического искусства – отечественного и зарубежного. Так, изучаемая в школьных программах литературная классика активно участвует в формировании базы связности смысловой картины мира и культурной идентичности представителей различных поколений и слоев общества в различные периоды его развития. Ее сюжеты, герои, авторы, сами артефакты и даже их названия широко используются в различных видах искусства, в публицистике, обыденной коммуникации. В терминах семиотики и логической семантики они фактически выполняют роль первичных сущностей [Аристотель, 1976], твердых десигнативов [Kripke, 1971; 1972], индексных имен [Donnellan, 2012; Putnam, 1973; Salmon, 1982], обеспечивающих общее «знание-знакомство» [Рассел, 2020], реализацию тождественности предметной области в различных описаниях состояния («возможных мирах»), представленных в содержании художественных артефактов, их создании и рецепции.

К осмыслению и переосмыслению материала классики обращаются новые и новые поколения носителей культуры. Таким образом классические произведения становятся означающим для

новых культурных смыслов (означаемого). Как система означающих в языке культуры классика становится частью кода культуры, ее собственными формами (Eigenforms) [Foerster, 1960; Kauffman, 2005; Гаспарян, 2018], участвуя в рекурсивности культуры массового общества, ее самовоспроизводстве с учетом национальной специфики и традиций.

Как показывают примеры мировой и российской (включая советскую) классики, в таком мультипликативном порождении референций новые артефакты оказываются означаемыми, чтобы в новом цикле смыслообразования и означения расширить систему означающих. Примером может служить неугасающий интерес к потенциалу ставшего классикой отечественного и зарубежного авангарда 1920-х, переводы, неоднократные экранизации и постановки в нашей стране и за рубежом, произведений М. Булгакова, И. Ильфа и В. Петрова... Советское искусство и художественная культура вообще были своего рода «заповедником» собирательной культуры культур – в ней находилось место французскому классическому балету, итальянской опере, венской оперетте...

На недавней очередной конференции «Культуровары», прошедшей летом 2024 года в Ясной Поляне, звучали очень близкие идеи «прецедентности» и «деинституционализации» классики (М. В. Загидуллина), ее «трансфикциональности» (М. П. Абашева), «канона и фанона» (М. А. и Е. В. Литвинские). По сути дела, классика – суть основа мифологии урбанистической культуры модерна. В этом качестве она в первой четверти XXI столетия, наравне с фольклором, эпосом, стала частью мифологического бэкграунда формирования смысловой картины мира современной культуры массового общества.

Идентичность и субъектность

Особого внимания заслуживает роль художественной классики в формировании идентичности. Следует только отдавать отчет в том, что формой для конкретной культурной идентичности как самоопределения личности выступает субъектность. По своему происхождению субъектность принципиально семиотична, она – суть результат рефлексивного самоописания, формирующегося к 3-му году жизни и выражающегося в освоении наррации от первого лица [Damasio, 2010; Dennett, 1998; Хенрих, 2018]. Это семиотическое образование, обеспечивающее индивидуализацию как форму довершения социализации индивида, напоминает ленту Мёбиуса – взаимо-

перехода социального и индивидуального. Такая «странная петля» самосознания [Хофштадтер, 2022] как точка сборки свободы и ответственности непосредственно не наблюдаема. И в этом плане субъектность является конкретизацией и даже операционализацией концепта трансцендентального субъекта гуссерлианской феноменологии, задающего интенциональность (направленность) сознания и его конкретное наполнение.

Как слепое пятно в глазу, которое, будучи само невидимо, обеспечивает возможность зрения, так и субъектность (трансцендентальный субъект, носителем которого является каждый носитель самосознания) – сама по себе ненаблюдаемая сущность, апофатична по своей природе, но именно в силу этого создает условия не только усвоения программ социального поведения, но и совмещения возможных социальных ролей, новых сценариев их реализации. А как рефлексивная система самоописания она противоречива и апофатически открыта самодополнению и саморазвитию [Тульчинский, 2023]. В этом плане, субъектность – главный фактор прокреативной преадаптации, обеспечившей развитие человеческой цивилизации за счет веера возможного реагирования на воздействия и вызовы внешней среды [Асмолов, 2018]. Возникая в процессе социализации как рефлексивная система с самописанием, субъектность становится универсальным интерфейсом, обеспечивающим возможность совмещения, смены, порождения новых контекстов смыслообразования, планов реального и возможного; прошлого, настоящего и будущего; наблюдаемого и воображаемого.

Возможно, что в этом ключ к пониманию эволюции социалистического реализма от жесткой идеологической доктринальности к открытости, своеобразной аналогии постмодернизма. Похоже, что в этой динамике, пластичности ключевую роль играла субъектность – несамодостаточный, открытый к восприятию и порождению нового осмысления универсальный интерфейс смыслообразования в самосознании художников-творцов, экспертов, журналистов, блогеров, зрителей, читателей, слушателей. Как отмечал Ю. М. Лотман, культура – нормативно кодирующая сущность – для своего развития требует «человечины», причем, дважды. Во-первых, носителей культуры, без которых культура мертва, достояние истории. А во-вторых, на ее развитие, преодоление стереотипов требуются силы, здоровье, а иногда жизни творческих личностей. Лотман сравнивал процесс развития культуры

и творчества с извержением расплавленной магмы, преодолевающей пласты застывшей породы, находящей в этих пластах трещины, создающей разломы – для того чтобы излиться на поверхность и застыть новым слоем, который будут преодолевать новые потоки, энергетика нового творчества.

Заключение

Тема взаимодействия отечественного и зарубежного искусства на платформе культуры массового общества открывает широкий культуральный захват на особенность культуры массового общества, в которой находится место и переосмыслению классики, и популярной культуре, и авангарду. Даже довольно эскизно проведенное рассмотрение показывает, что предлагаемая проблематизация открывает широкие возможности междисциплинарному анализу взаимодействия различных социально-культурных практик, видов и жанров искусства. И для анализа взаимодействия и реализации художественного творчества в различных культурно-исторических средах, обобщения результатов такого анализа весьма перспективным представляется прагматический подход и расширение аппарата семиотического анализа за счет глубокой семиотики, когда личностная субъектность предстает источником, инструментом, процессом и результатом нового смыслообразования.

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика. Кн. 4. // Сочинения в 4 т. Москва : Мысль, 1976. С. 119–123.
2. Асмолов А. Г. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов. Москва : Акрополь, 2018. 212 с.
3. Гаспарян Д. Э. Язык как собственная форма (Eigenform) и рекурсия означающих // Философские науки. 2018. № 8. С. 125–143.
4. Золян С. Т. Прагматическая – интерфейс и механизм смыслообразования // МЕТОД: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2022. Вып. 12. Т. 2, № 2. С. 7–18.
5. Золян С. Т. Прагматика как само-порождение самого-по-себе-субъекта // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 93–103.
6. Лотман Ю. М. Семiosфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. 704 с.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб ; Республика, 2000. 464 с.
8. Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание

концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115–125.

9. Тульчинский Г. Л. Лента Мёбиуса прагматической семантики: от культуры через субъектность в ничто – и обратно // Слово. ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 4. С. 8–30.

10. Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности / пер. с нем. А. К. Судакова ; под ред. М. М. Беляева. Москва : Весь Мир, 2018. 320 с.

11. Хофштадтер Д. Я – странная петля / пер. с англ. Е. Константиновой. Москва : АСТ, 2022. 516 с.

12. Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. New York: Pantheon, 2010. 384p.

13. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 377 p

14. Donnellan K. S. Essays on Reference, Language, and Mind. New York : Oxford University Press, 2012. 224 p.

15. Foerster H. On Self-organizing Systems and their Environments // Self-Organizing Systems / ed. by M. C. Yovits, S. Cameron. New York: Pergamon Press, 1960. P. 31–50.

16. Kauffman S. Eigenform // Kybernetes. The International Journal of Systems and Cybernetics. 2005. Vol. 34. № 1/2. P. 129–150.

17. Kripke S. A. Identity and necessity // Identity and Individuation / Ed. by M. K. Munitz. New York: New York University Press, 1971. P. 135–164.

18. Kripke S. A. Naming and necessity // Semantics of Natural Language / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 253–355.

19. Putnam H. Meaning and Reference // Journal of Philosophy. 1973. P.699-711.

20. Salmon N. U. Reference and Essence. Basil Blackwell, Oxford, 1982. P. xvi + 293.

Reference list

1. Aristotel'. Metafizika. Kn. 4. = Metaphysics. Book 4. // Sochinenija v 4 t. Moskva :Mysl',1976. S. 119–123.
2. Asmolov A. G. Preadaptacija k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty jevoljucii = Preadaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution / A. G. Asmolov, E. D. Shehter, A. M. Chernorizov. Moskva : Akropol', 2018. 212 s.
3. Gasparjan D. Je. Jazyk kak sobstvennaja forma (Eigenform) i rekursija oznachajushhijh = Language as proper form (Eigenform) and recursion of signifiers // Filozofskie nauki. 2018. № 8. S. 125–143.
4. Zoljan S. T. Pragmasemantika – interfejs i mehanizm smysloobrazovanija = Pragmasemantics – interface and mechanism of meaning // METOD: moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih disciplin. 2022. Vyp. 12. T. 2, № 2. S. 7–18.
5. Zoljan S. T. Pragmatika kak samo-porozhdenie samogo-po-sebe-sub#ekta = Pragmatics as a self-product of the self-self-subject // Voprosy filosofii. 2023. № 7. S. 93–103.
6. Lotman Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Sredi mysljashhijh mirov. Stat'i. Issledovanija. Zаметki = Semi-

osphere. Culture and explosion. Among the thinking worlds. Articles. Research. Notes. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPb, 2010. 704 s.

7. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy = Human cognition: its sphere and boundaries. Moskva : TERRA – Knizhnyj klub ; Respublika, 2000. 464 s.

8. Tul'chinskij G. L. Rasshirenije vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержanie koncepcii «glubokoj semiotiki» = Expanding the possibilities of semiotic analysis: sources and content of the concept of «deep semiotics» // Voprosy filosofii. 2019. № 11. С. 115–125.

9. Tul'chinskij G. L. Lenta Mjobiusa pragmasemantiki smysla: ot kul'tury cherez sub#ektivnost' v nichto – i obratno = Möbius tape pragmasemantics of meaning: from culture through subjectivity to nothingness – and vice versa // Slovo. ru: baltijskij akcent. 2023. T. 14, № 4. S. 8–30.

10. Henrih D. Myshlenie i samobytie. Chtenija o sub#ektivnosti = Thinking and identity. Readings on subjectivity / per. s nem. A. K. Sudakova ; pod red. M. M. Beljaeva. Moskva : Ves' Mir, 2018. 320 s.

11. Hofshadtter D. Ja – strannaja petlja = I am a strange loop / per. s angl. E. Konstantinovej. Moskva : AST, 2022. 516 s.

12. Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. New York: Pantheon, 2010. 384r.

13. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 377 r

14. Donnellan K. S. Essays on Reference, Language, and Mind. New York : Oxford University Press, 2012. 224 p.

15. Foerster H. On Self-organizing Systems and their Environments // Self-Organizing Systems / ed. by M. C. Yovits, S. Cameron. New York: Pergamon Press, 1960. R. 31–50.

16. Kauffman S. Eigenform // Kybernetes. The International Journal of Systems and Cybernetics. 2005. Vol. 34. № 1/2. P. 129–150.

17. Kripke S. A. Identity and necessity // Identity and Individuation / Ed. by M. K. Munitz. New York: New York University Press, 1971. P. 135–164.

18. Kripke S. A. Naming and necessity // Semantics of Natural Language / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 253–355.

19. Putnam H. Meaning and Reference // Journal of Philosophy. 1973. P.699-711.

20. Salmon N. U. Reference and Essence. Basil Blackwell, Oxford, 1982. P. xvi + 293.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024; принята к публикации 21.11.2024.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 24.10.2024; accepted for publication 21.11.2024.